

Чу Ханьюэ на мгновение сомкнул веки, а когда открыл их снова, обнаружил, что стоит на вершине горы Юньцзянь. Однако он никогда прежде не видел здесь столь яркого, ослепительного звездного света. Да и почему на всей горе виднелся лишь один-единственный дом?

— Где мы? — спросил он.

Цинь Фэн взял его за руку и повел по хрустящему снегу в сторону постройки.

— Я начал готовить это место, как только узнал, что ты носишь дитя. В будущем детей можно будет оставлять здесь. Так не придется бояться, что, когда ты проснешься, они потеряются в мире сновидений или будут съедены Демоном снов. Мир сновидений лишь кажется безмятежным, на деле же он куда опаснее, чем можно вообразить.

Чу Ханьюэ до этого момента даже не задумывался о том, что будет с детьми, когда он сам станет пробуждаться от сна.

— И детей действительно можно растить в сновидении?

— Можно. Но если оставлять их только в твоих снах, ты будешь слишком быстро истощаться, — Цинь Фэн толкнул дверь и потянул Чу Ханьюэ внутрь. — Поэтому я создал мир сновидений, принадлежащий лишь нам двоим. Так я смогу часто приходить сюда и присматривать за ними.

Слыша, как тот постоянно повторяет «дети, дети», Чу Ханьюэ смущенно коснулся своего живота. Он оставался холодным и безучастным, будто ему вовсе не было дела до этих разговоров.

— До их рождения еще далеко.

— Не так уж и далеко. Еще пять-шесть месяцев — и мы их увидим, — Цинь Фэн уставился на живот Чу Ханьюэ. — Хотя и сейчас их уже можно разглядеть. Такие милашки.

Чу Ханьюэ нахмурился и прикрыл живот ладонью.

— Не смотри так.

Цинь Фэн поспешно закивал и бережно повел его вглубь дома.

— Виноват, каюсь. Только не сердись, тебе нельзя волноваться — это вредно для плода.

Чу Ханьюэ лишь холодно смотрел на него, ничего не отвечая. Он осмотрелся: убранство

комнаты во многом повторяло его собственные покои, разве что пространства стало побольше. Особенно это касалось кровати — она была раза в два шире его прежней. Сначала он подумал, что Цинь Фэн беспокоится, хватит ли места, когда родятся дети, но тут заметил рядом две маленькие колыбели.

Он подошел и коснулся дерева рукой — превосходный материал, сразу видно, что мастер приложил немало усилий. В колыбельках уже лежало несколько детских вещичек. Чу Ханьюэ взял одну в руки, и когда пальцы коснулись мягкой ткани, на душе у него стало странно.

Он никогда не помышлял о детях. Раньше он планировал следовать примеру Бессмертного почтенного Хуаяна: навсегда отказаться от брака, посвятить себя совершенствованию и через сотню лет достичь вознесения.

Но ирония судьбы распорядилась иначе — теперь он ждал детей от самого Бессмертного почтенного.

Чу Ханьюэ крепче сжал в руке детскую одежду. Они с Почтенным оба мужчины. Он никогда не слышал, чтобы двое мужчин вступали в брак и заводили потомство. Кем они приходятся друг другу? И как он объяснит всё это детям, когда они вырастут?

Заметив, что тот нахмурился и стал выглядеть еще холоднее, Цинь Фэн решил, что подарки не пришлись по вкусу.

— Скажи мне, какие наряды тебе нравятся, и в следующий раз я приготовлю другие.

Чу Ханьюэ аккуратно сложил вещицу обратно в колыбель.

— Дети навсегда останутся в мире сновидений? Их нельзя забрать во внешний мир?

— Пока трудно сказать наверняка. Всё прояснится только после их рождения, — Цинь Фэн, не в силах разгадать его мысли, подвел его к столу.

Взмахом руки он явил два листка красной бумаги и протянул Чу Ханьюэ кисть.

— Сейчас Новый год. Давай напишем иероглиф «Счастье» и наклеим на дверь. Всё-таки теперь это наш общий дом, нужно создать в нем хоть какой-то уют.

— Дом? — это слово было для Чу Ханьюэ пугающе чуждым.

Он не помнил, был ли у него когда-нибудь дом, а гору Юньцзянь своим домом не считал. Он замер с кистью в руке над бумагой, не решаясь сделать первый мазок.

Цинь Фэн встал позади и накрыл его ладонь своей. Его почерк был сильным и волевым — за каждым штрихом чувствовался властный характер. Многие при первой встрече пугались его облика, считая Почтенного грозным и опасным.

— У тебя есть какое-нибудь новогоднее желание? — прошептал Цинь Фэн ему на ухо. — Я помогу ему исполниться.

Чу Ханьюэ посмотрел на выведенные иероглифы, и в его глазах промелькнуло мимолетное восхищение.

— Чтобы в стране был мир, а народ процветал.

— Ха-ха, — Цинь Фэн уткнулся подбородком в его плечо и негромко рассмеялся. — Я спрашиваю о твоём личном желании. Чего хочешь именно ты?

Чу Ханьюэ опустил веки и задумался.

— Ничего.

— Не верю. Ты ведь не бесчувственное божество, лишённое желаний. Ты человек, а у людей всегда есть стремления и привязанности, — Цинь Фэн с наслаждением вдыхал тонкий аромат, исходивший от него. — В этом нет ничего постыдного. У меня тоже есть желание. И моё единственное желание — это ты.

Чу Ханьюэ прижал пальцы к губам и тихо откашлялся. Кончики его ушей предательски покраснели: он действительно не мог противостоять этому низкому, бархатному голосу, шептавшему прямо над ухом. В миг смятения он невольно выдал свою тайную думу:

— Я бы хотел вернуться домой. Посмотреть.

— Домой? — Цинь Фэн удивленно взглянул на него.

— В то место, где я родился. У меня не осталось о нём воспоминаний, но мне бы хотелось его увидеть, — Чу Ханьюэ мечтал узнать, остался ли там кто-то из его родных. Но никто, кроме главы секты, не знал, где находится тот Остров бессмертных. Никто даже не ведал его названия.

— Место, где ты родился? — Цинь Фэну и самому стало любопытно, откуда на самом деле приходят уроженцы горы Юньцзянь. — У тебя совсем нет воспоминаний?

— Забудь, — Чу Ханьюэ покачал головой. — Быть «избранным» — значит оборвать все связи с прошлым. Раз это правило передается из поколения в поколение, в нём наверняка есть смысл.

— Возможно, твоя семья до сих пор тоскует по тебе, — Цинь Фэн взял листки с иероглифом «Счастье» и подул на них, подсушивая тушь. — Я найду способ помочь тебе. Чего бы ты ни пожелал, я лично доставлю это в твои руки.

Чу Ханьюэ промолчал, опустив голову. Он последовал за Цинь Фэном к выходу, и они вместе наклеили красные листки на большие двери. Он уже собирался вернуться в дом, но Цинь Фэн окликнул его:

— Куда же ты? Сначала нужно запустить петарды. Раз уж я обещал устроить тебе настоящий Новый год, мы должны соблюсти все обычаи.

Чу Ханьюэ стоял на пороге, чувствуя легкий холод. Сложив руки в рукава, он наблюдал, как Цинь Фэн, словно мальчишка, добрых полчаса возился с фейерверками. Он не понимал, в чем радость от этого грохота, но видеть Цинь Фэна таким счастливым было... занятно. Ему вдруг подумалось, что, когда дети родятся, Цинь Фэн наверняка будет так же играть и с ними. В этом доме станет по-настоящему шумно и весело.

Заметив, что Чу Ханьюэ засмотрелся на него и погрузился в свои мысли, Цинь Фэн подошел ближе и мягко повернул его голову к небу.

Раздался оглушительный хлопок, и в вышине расцвел огромный огненный цветок. Следом за ним — еще один и еще, рассыпаясь мириадами искр и превращая черную ночь в яркий день.

Чу Ханьюэ заворуженно смотрел вверх. Раньше он никогда не обращал внимания на подобные вещи — оказывается, они могли быть столь прекрасны. Внезапно он почувствовал, как Цинь Фэн осторожно переплел свой мизинец с его.

Цинь Фэн легонько покачал их сцепленные пальцы и прошептал ему на ухо:

— В следующем году мы тоже встретим праздник вместе. Только тогда нас будет уже четверо.

Чу Ханьюэ почувствовал, как в груди разливается тепло. Он впервые в жизни осознал, каково это — иметь семью. Кажется, это было совсем неплохо.

«Он лжет тебе. Не верь ему».

Чу Ханьюэ вздрогнул и нахмурился. Он слегка наклонил голову и потер ухо ладонью.

«Галлюцинация?»

— Что случилось? — Цинь Фэн заметил его движение. Ухо Чу Ханьюэ покраснело, но на этот раз не от смущения — оно казалось замерзшим.

— Ничего. Просто показалось, будто кто-то шепчет мне на ухо.

Чу Ханьюэ еще раз потер ухо, и голос окончательно затих.

<http://bllate.org/book/17570/1659591>